

Качество лингвистических экспертиз по уголовным делам вызывает у специалистов всё больше сомнений.

Стало известно, что видеозапись признательных показаний Заура Дадаева, главного подозреваемого по делу об убийстве политика Бориса Немцова, будет направлена на экспертизу по решению нового главы следственной группы Николая Тутевича. Специалистам предстоит выяснить, не оказывалось ли на Дадаева давление во время допроса, а также не могли ли следователи подготовить текст показаний вместо подозреваемого. Следственные и надзорные органы заказывают лингвистические экспертизы практически по любому поводу, говорят опрошенные «НИ» специалисты. Обращаться к людям сведущим – практика похвальная, однако качество заключений вызывает всё больше сомнений, а иногда – и скандалов. К тому же зачастую эксперты находятся под контролем силовиков, так что их авторитет и знания служат не правосудию, а интересам следствия.

Первоуральский городской суд Свердловской области в начале недели огласил приговор по резонансному делу 23-летней Эльвиры Султанахметовой. Девушку обвиняли по части 1 статьи 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». 25 декабря позапрошлого года подсудимая разместила на интернет-форуме текст, где рекомендовала мусульманам не отмечать Новый год, поскольку это языческий праздник. По её мнению, практика взывать к Деду Морозу вместо Аллаха ведёт к тому, что дети растут многобожниками, а традиция наряжать елку связана с кровавыми древними обычаями ритуальных жертвоприношений. Хотя текст Султанахметовой на проверку оказался компиляцией из разных источников, 18 мая девушка была приговорена к 120 часам обязательных работ.

Интересно, что дело против Султанахметовой было возбуждено по заявлению националиста Степана Черногубова, который ранее был осужден по той же самой статье 282 УК РФ. Обвинение же по делу строилось на заключении лингвиста криминалистической лаборатории РУ ФСБ по Свердловской области Светланы Мочаловой. Эксперт выявила в тексте «возбуждение ненависти и вражды к лицам, не отмечающим Новый год, обычай и празднества которых являются проявлением неверия».

Светлана Мочалова, судя по всему, довольно известный на Урале специалист по «экстремистским» текстам. Так, в 2010 году Мочалова нашла «высказывания, призывающие к социальной розни и насильственному изменению основ конституционного строя и целостности РФ» в статье «Патриотизм как диагноз» убитого годом ранее адвоката Станислава Маркелова. Статью проверяли в рамках дела против гражданского активиста, преподавателя Тюменского госуниверситета Андрея Кутузова. Его преследовали за распространение листовок с призывами остановить политические репрессии – они, по мнению г-жи Мочаловой, разжигали ненависть в отношении представителей власти и возбуждали социальную рознь. Методику экспертизы Мочалова открывать суду тогда отказалась, заявив, что она имеет гриф «для служебного пользования». А одно из последних дел, обвинение по которому строится на экспертизе Светланы Мочаловой, – дело Екатерины Вологжениновой из Екатеринбурга, которую судят по статье 282 УК РФ за репосты «ВКонтакте» текстов в поддержку Украины в конфликте на Донбассе.

«Законодательство не содержит никаких лицензионных требований к экспертам. От них не требуется постоянно повышать квалификацию. Нет положения, чтобы их экспертизы независимо оценивались людьми более авторитетными», – поясняет «НИ» адвокат Эльвиры Султанахметовой

Роман Качанов, который ранее заявил, что будет обжаловать экспертизу лаборатории ФСБ. По его словам, большой простор для совместного «творчества» экспертов и следователей рождает не только несовершенство законодательства, но и отсутствие единых подходов в науке. «Если говорить о статье 282, то под социальную группу, по отношению к которой разжигается ненависть, можно подвести самое разное. Например, профессиональная группа является социальной? Если я скажу, что все адвокаты – сволочи, я совершу преступление? По идее, социологи должны решать, но у них разные подходы».

Ещё одна проблема, по словам собеседника «НИ», связана с тем, как следователи формулируют вопросы к экспертам. Постановление пленума Верховного суда от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержит положение о том, что эксперту нельзя задавать вопросы, не входящие в его компетенцию. «В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды», – говорится в документе. Тем не менее именно такие вопросы перед экспертами и ставят, говорит «НИ» Роман Качанов: «Эксперты в нарушение своей компетенции на них отвечают положительно и по сути выносят человеку приговор».

Следователь и судья обязаны относиться к экспертизе критически, как и к любой другой улике или свидетельству. Однако чаще всего результаты экспертизы, особенно заказанной следствием, принимаются судом без возражений, рассказывает «НИ» директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский. Он напомнил о деле против нацбола Михаила Деева, когда во фразе, выражающей неприязненное отношение Деева к самодержавию и престолонаследию, эксперты из Курска разглядели призывы к свержению действующей государственной власти. «У следователя хватило ума это в обвинительное заключение не включать. Но очень часто в уголовных, а особенно в гражданских делах о запрете материалов, в решение суда переписывается заключение эксперта. И это проблема», – говорит «НИ» г-н Верховский.

По его мнению, расследуя дела о публичных призывах, следователи слишком часто заказывают экспертизы – лингвисты привлекаются практически во всех случаях. Собеседник «НИ» привел в пример ситуацию, когда лингвисту заказали экспертизу написанной на заборе расхожей антисемитской фразы, призывавшей спасти Россию путем насилия над евреями. «Нет тут предмета лингвистической экспертизы, это не стихи сложные с иносказанием. Достаточно включить мозг», – говорит г-н Верховский. Именно с огромным спросом на экспертизы связано то, что большинство из них – низкого качества и делаются «кем попало», считает собеседник «НИ».

«Есть собственно лингвистическая экспертиза, которая проводится по постановлению следователя или по решению суда. Часто их делают экспертные центры при органах – там всё очень по-разному, бывают и хорошие специалисты, но часто они работают по закрытым методикам и, попросту говоря, подсуживают обвинению. А есть заключение специалиста. Его может дать любое лицо, которое имеет достаточные знания. Часто бывает так, что есть «карманная» экспертиза, проведённая по инициативе следствия по непонятной методике, которую эксперты к тому же не предъявляют на суде, и есть привлеченный адвокатом специалист», – разъясняет «НИ» старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Ирина Левонтина.

По её словам, вес официальной экспертизы, заказанной следствием, для судьи, как правило, больше, чем вес заключения специалиста, – последнее часто становится лишь поводом назначить ещё одну экспертизу. При этом именно с качеством официальных экспертиз связаны большие сомнения, говорит собеседница «НИ»: «Есть один кандидат математических наук, который делает лингвистические экспертизы. Когда его спросили, почему он их делает, он сказал: «Вот у меня справка: я латинский язык изучал два года». Бывает, семантическую экспертизу делает эксперт-инженер, который обычно делает фоноскопическую экспертизу. На том основании, что и там, и там – речь. Мы помним, как психологическую экспертизу по делу Pussy Riot делала тётенька без психологического образования. Случается, экспертизы проводят члены всяких академий – сейчас же море академий появилось. А судья не понимает, что есть Российская академия наук, а есть некая «народная академия», которая просто «рога и копыта», – говорит Ирина Левонтина.

«НИ» решили узнать из первых рук, кого именно силовые структуры привлекают к работе над экспертными заключениями. Попытка была не слишком успешной: в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте «НИ» сказали, что комментарии дают только по официальному запросу. В экспертно-криминалистическом центре при МВД с «НИ» и вовсе беседовать отказались: комментарии там дают только с разрешения руководителей из министерства. С одной стороны, узнать нам ничего не удалось, а с другой – узнали мы вполне достаточно.

«Квалификация людей, которые проводят экспертизы, подтверждается тем научным институтом, в котором мы их заказываем. Например, по мату мы заказывали экспертизу у Института русского языка им. В.В. Виноградова», – рассказывает «НИ» пресс-секретарь Роскомнадзора Вадим Амелонский. Кроме того, при органе есть аккредитованные лингвисты, которые проводят экспертизы «в целях исполнения 436-го федерального закона» и регулярно повышают свою квалификацию в Московском государственном университете, заявил собеседник «НИ». Напомним, именно необходимостью исполнять закон «О защите детей от информации...» было продиктовано требование Роскомнадзора убрать информацию о самоубийстве онкобольного с портала «Православие и мир» в марте этого года. В своем представлении орган также ссылался на заключение лингвистической экспертизы, проведённой Роспотребнадзором.

<http://www.newizv.ru/society/2015-05-21/219820-zakljuchenija-i-zakljuchennnye.html>